

Людмила Боева (София, Болгария)

ЦЕННЫЙ ТРУД О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Giorgetta Revelli. *Monumenti letterari su Boris e Gleb. Letterature памяти памятники о Борисе и Глебе*. Università degli Studi di Genova. La Quercia Edizioni. Genova 1993. 706 с.

Цикл памятников о Борисе и Глебе является в древнерусской литературе начального периода одним из самых старинных и интереснейших с историко-культурной точки зрения. Он включает в себя „Летописную повесть“, „Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба“, „Сказание чудес святою стратотерплицю Христову Романа и Давида“ (христианские имена Бориса и Глеба) и „Чтение о житии и о погублении блаженую стратотерпца Бориса и Глеба“ Нестора. Борис и Глеб — первые русские святые, канонизированные русской православной церковью еще в середине XI в. при правлении их брата Великого киевского князя Ярослава Мудрого и по его настоянию. История их гибели отражает один из ожесточеннейших эпизодов борьбы за власть вокруг княжеского престола в Киевской Руси.

Самой ранней из Борисо-Глебовского цикла была „Летописная повесть“, включенная в свод под 1015 г. — датой их убийства. Она рассказывала о двух братьях, младших сыновьях Владимира Святославича, крестителя Руси, от жены болгарки, убитых их сводным братом Святополком Окаянным. Легенды о Борисе и Глебе и их культ был распространен и в средневековой Болгарии¹. В связи с канонизацией, как нам представляется, тоже вскоре после нее было написано и „Сказание и страсть и похвала“ — про-

изведение, ставшее особенно популярным благодаря своей нетрадиционности, исключительной выразительности, проникновенному лиризму, сравнительной простоте и доступности языка и стиля. Об его авторстве много спорилось. Долгое время оно приписывалось многими учеными, начиная с митрополита Макария, послушнику Киево-Печерского монастыря Иакову мниху, автору памятника „Память и похвала князю русскому Владимиру, как крестился Владимир“. Первая часть этого произведения, безусловно написанная Иаковом, имеет черты близости со „Сказанием и страстью и похвалой“, близость существует и в идейной направленности — защите единства Руси, патриотическом пафосе. Но все же атрибуцию нельзя считать доказанной, и большинство авторов приводит сказание как анонимное произведение. То же делает и автор рецензируемой работы Джорджетта Ревелли.

Вместе со „Сказанием и страстью и похвалой“ по традиции обычно переписывалось и „Сказание о чудесах Бориса и Глеба“. Некоторые ученые считают его второй частью этого произведения, другие — самостоятельным². Этого мнения придерживается и Д. Ревелли, и нам оно представляется более обоснованным. Н. Н. Воронин приписывает авторство „Сказания о чудесах“ Лазарю, священнику вышгородской церкви „Святых Бориса и Глеба“, куда были перенесены их мощи

¹ Об этом пишет подробно Румяна Павлова в своей статье „Сведения о Борисе и Глебе в южно-славянской письменности XIII—XIV вв.“ (Palaeobulgarica, 1988, № 4, 26—40).

² См. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987, 398—408, о Несторе 274—278.

в 1072 г. Впоследствии Лазарь стал переиздательским списком. Воронин датирует „Сказание о чудесах“ 1115 г., как и А. А. Шахматов, так как ранее оно не могло быть написано. Оба ученых связывают его создание с торжествами в честь столетия со дня гибели братьев и новым переосмыслением их мощей³.

„Чтение“ Нестора было составлено позже. Вероятно Нестор был недоволен нетрадиционностью „Сказания и страсти и похвалы“ и создал собственное, образцовое, с точки зрения следования житийному канону, произведение. „Чтение“ написано в высоком риторическом стиле, оно показывает большой талант Нестора как агнографа. Его можно сравнить с иконописцем, который в строго ограниченных канонах создает яркое, оригинальное творение. Выразительным средством прославления святых мучеников становится у Нестора средневековая символика. Он отбрасывает все конкретные детали, бытовые подробности и личные знаки и создает монументальные, абстрактные духовные облики своих героев. Умение соединить высокую риторику с логикой историка и политика, заинтересованного в судьбах русского княжества, позволяет нам присоединиться к мнению об идентичности агнографа Нестора и автора первой редакции „Повести временных лет“. Перо будущего историка особенно чувствуется во вступительной части „Чтения“. Главное внимание агнограф сосредоточил, однако, на мученической гибели братьев, подчинившихся воле старшего в роде и тем давних пример всей Руси, спасших ее от дьявольского покушения, способствовавших ее единению и славе. В политических целях и общегосударственной позиции Нестора видит основное отличие „Чтения“ от „Сказания и страсти и похвалы“, где святые превозносятся прежде всего за их смирение и мученичество, русский мыслитель Г. П. Федотов в своей классической книге „Святые Древней Руси“⁴. „Чтение“ было менее популярно и реже переписывалось, как показывает исследование Д. Ревелли. Нетрадиционное, лирически сочувственное „Сказание и страсть и похвала“ больше нравилось средневековым читателям и переписчикам.

Образы святых Бориса и Глеба были среди самых почитаемых на Руси и в славянских странах. Они считались военными защитниками державы. Иконописное изображение традиционно одевает их

в воинские доспехи и дает им полное вооружение как князьям-воинам, стражам, готовым всегда прийти на помощь правым и невинным, защитить святую Русь. В литературе Борисо-Глебовский цикл повлиял на житийную линию и традицию воинских повестей. Тексты произведений не раз переиздавались и исследовались, дискуссия по вопросам атрибуции, хронологического приурочивания и порядка следования всех памятников цикла до сих пор не закончена. Труд Д. Ревелли и в этом отношении несомненно принесет большую пользу медиевистике.

Автор монументального издания цикла памятников о Борисе и Глебе Д. Ревелли принадлежит к известной итальянской школе текстологов, имеющей, по словам академика Д. С. Лихачева, „большой опыт и большую традицию“⁵. Имя Д. Ревелли известно и в Болгарии по ряду публикаций, предшествовавших и подготавливавших ее монументальный труд. В их числе и напечатанная на страницах журнала „Palaeobulgarica“ статья с новыми археографическими сведениями о ранее неизвестных списках „Сказания и страсти и похвалы“⁶. На XI Международном съезде славистов (Братислава, 1993) исследовательница представила сравнительно-историческую работу о „Сказании и страсти и похвале Бориса и Глебу“ и легенде мантианского епископа Гумпольда о святом Вячеславе-Вацлаве чешском. Влияние чешских легенд о святых десятого века Людмиле и Вячеславе на русское житие Бориса и Глеба видели и другие ученые, например Н. Н. Ильин⁷, создавший собственную гипотезу и об авторстве, и о хронологической приуроченности произведений Борисо-Глебовского цикла, во многом поддержанную А. В. Поппэ⁸.

Рецензируемое исследование Д. Ревелли расширяет и географию наших представлений об итальянской медиевистике: работы итальянских ученых выхо-

³ Лихачев, Д. С. Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций „Задонщины“ (об исследовании Анджело Данти). — В: „Слово о полку Игореве“ и культура его времени. Л., 1978, с. 281.

⁴ Ревелли, Д. Некоторые новые археографические сведения о неизвестных списках „Сказания о Борисе и Глебе“. — Palaeobulgarica, 1988, № 1, 81—92.

⁵ Ильин, Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). М., 1957.

⁶ Поппэ, А. В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба. — In: Russia Mediaevalis. T. 1. München, 1973, 6—29.

³ Воронин, Н. Н. „Анонимное“ сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор. — ТОДРЛ, 13, 1957, 11—56.

⁴ Федотов, Г. Святые Древней Руси. Предисловие Д. С. Лихачева и А. В. Меня. М., 1990.

дли в Риме, Нсаполе, Милане, Перудже, Венеции и Флоренции, сейчас „Литературные памятники о Борисе и Глебе“ подготовлены в Генуе. Именно в трудах генуэзского Университета, департамента языка и литературы, в славянской секции издан труд Д. Ревелли, всецело вписывающийся в сложившиеся в науке представления о высоких качествах итальянской школы медиевистов.

Книга Д. Ревелли монументальна уже по объему — 706 страниц убористого текста с приложением иллюстраций по образцу московских „Памятников литературы Древней Руси“: это хорошая репродукция иконы св. Бориса и Глеба первой половины XIV в., сохраняемой в Третьяковской галерее, иллюстрация из Сильвестровского сборника XIV в., Успенского сборника XII—XIII вв. и пр. Сама книга написана на итальянском и русском языках, на итальянском даны прежде всего необходимые вступительные замечания и некоторые комментарии. Самое ценное в труде — исследование рукописной традиции памятников, ее классификация, археографические данные и издание основных памятников со всеми возможными вариантами и разночтениями. Известный текст „Сказания и страсти и похвалы“ печатался неоднократно, но Д. Ревелли использует в своем издании максимально возможное количество списков, некоторые из которых ранее не входили в критический аппарат. С. А. Бугославский для своего исследования использовал 255 списков всего цикла памятников о Борисе и Глебе⁹, примерно столько, вероятно, знал и Л. А. Дмитриев, напечатавший „Сказание и страсти и похвалу“ в „Памятниках литературы Древней Руси“ по списку Успенского сборника¹⁰, пользуясь для исправлений и дополнений изданием Бугославского¹¹. Д. Ревелли уточняет, что к настоящему времени известно 226 списков „Сказания и страсти и похвалы“, 43 списка „Сказания о чудесах“ и 26 списков „Чтения“. Причем самой ей удалось открыть и описать свыше 50 списков. Жаль, что исследовательница не включила в печатаемый ею Борисо-Глебовский цикл „Летописную повесть“. Правда, она неоднократно издавалась и издается в составе „Повести временных лет“. Гораздо менее

известен и реже публикован текст „Сказания о чудесах“ и особенно Несторовское „Чтение“. В этом отношении широкое распространение книги Д. Ревелли принесло бы ощутимую пользу.

Книга открывается вступительными замечаниями, дающими общую характеристику литературным памятникам о Борисе и Глебе и оценивающим их место в средневековой литературе. В тексте и подстрочнике дается обзор научных исследований и публикаций памятников. Вступление включает и необходимые обосновки принципов текстологической работы, „критики текста“. Болгарские медиевисты обычно печатают древние памятники буквально, не раскрывая титлы, со всеми надстрочными знаками и древней пунктуацией. Русская традиция предписывает раскрывать титлы, не допуская никаких сокращений, передавать буквенное изображение чисел арабскими цифрами, вводить орфографические упрощения: опускать неупотребляемые сейчас буквы — юсы, фиту, ижицу и пр., заменяя их буквами современного алфавита, но сохраняя ь, ь, ь. Д. Ревелли также расшифровывает все сокращения, опускает надстрочные знаки, но сохраняет и „юс малый“, и „юс большой“ и пр. буквы.

Труд отличается тщательностью научного аппарата. В конце печатаются указатель цифров, список сокращений, может быть, на месте бы был и именной, и предметный указатель. В такого типа академическом издании они необходимы.

После вступления следуют три основных главы: первая посвящена „Сказанию и страсти и похвале“, вторая — „Сказанию о чудесах“, третья — „Чтению о Борисе и Глебе“ Нестора. Каждая имеет однотипный состав: перечень списков печатаемого произведения, классификация списков и сам текст. На 82 страницах перечислено и описано 226 списков „Сказания и страсти и похвалы“. Описания точные и ясные, в основном бесспорны определения хронологической приуроченности списков. Даны тщательные расшифровки названий, описание заставок, орнаментов, инициалов, заголовков, переплетов, определение почерков, бумажных знаков. Если список уже напечатан или описан, то даются точные указания работы в списке. Столь же корректны и шепетильны все другие списки, как при определении филиграрей, так и при характеристике содержания. С. А. Бугославский описал 165 списков, разделив их на 6 редакций. Д. Ревелли проводит „объединение списков по значительным чтениям“, получая семь групп разночтений, самая обширная из которых, включающая 38 рукописей, типа списков из Софийского собрания № 1276, 1357, 1376, и под. Далее идет „Распределение тради-

⁹ Бугославский, С. А. Украиноруськи пам'ятки XI—XVIII вв. про князя Бориса та Гліба. У Київі, 1928.

¹⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. Издание подготовил О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси (XI — начало XII века). Вып. I. М., 1978, 451—456.

ции „Сказания“, т. е. классификация рукописей по редакциям: Успенская (7 рукописей), Чудовская (48), Сильвестровская (17), Синодальная (49), Псковская (17), и Торжественник (69). У Бугославского Успенская редакция представлена 35-ю рукописями, Чудовская — 35-ью, Сильвестровская — 12-ью, Синодальная — 54-мя, Торжественник — 50-ью рукописями, Псковская редакция отсутствует. Подход Д. Ревелли более убедителен, может быть, потому, что сделан на более обширном материале и с использованием современной, более надежной методологии. Объем проделанной исследовательницей работы позволяет хорошо оценить и приведенный список основных рукописей „Сказания и страсти и похвалы“, вошедших в критический аппарат издания текста. Всего их 133, первый — самый ранний — Государственного исторического музея Москвы (ГИМ), синодальной библиотеки № 1063/4, т. е. Успенский сборник XII—XIII вв. Текст „Сказания и страсти и похвалы“, развернутый на стр. 112—426, дополнен еще и текстом 26 вариантов. Масса разночтений приведена в списках, проверенная по всем названным выше спискам.

Так же, как в „Памятниках литературы Древней Руси“, вып. 1, в конце текста сохранено дополнение, не слишком типичное для канонических житий, о внешнем виде Бориса: „О Борисе, какъ въ зъръм“. „Сказание о чудесах“ рассматривается как отдельное, самостоятельное произведение и печатается во второй главе. Она открывается подробнейшим археографическим описанием 43 списков „Сказания о чудесах“. Распределение списков по разночтениям дает 34 типа, затем списки классифицируются на три основные редакции: Успенскую, самую обширную, малочисленную Минскую и Торжественник. 27 списков вошло в критический аппарат издания текста. Текст „Сказания о чудесах“ занимает стр. 477—567, приложены и 7 вариантов. Одно замечание,

которое нам хочется сделать относительно ценности не только издания текстов, но и этих дополнительных вариантов. Из чудес, связанных с именами Бориса и Глеба, в учебной литературе чаще всего вспоминается чудо с сухорукой женщиной-рабыней, наказанной за то, что ее госпожа в праздник св. Николы заставила ее работать. Вариант *5a* красноречиво дополняет, что госпожа ее „злобою в сватьхъ праздники нудяше к дѣлу своему“, а *5b*: „госпожа съдьяшеъ тѣже злобою нудяше рабу свою къ дѣлу“. Такие детали дают интереснейшие возможности идейной и художественной интерпретации данного отрывка из „Сказания о чудесах“. А это всего навсего один случайный пример.

Третья глава особенно интересна из-за сравнительно малой доступности творения Нестора-агиографа. Даже в обширном собрании текстов популярных „Памятников литературы Древней Руси“ „Чтение о Борисе и Глебе“ отсутствует. Приведено и также тщательно описано 26 известных исследовательнице списков. По разночтениям они распределены на 28 групп, самая обширная из которых — 22-ая включает списки Соловецкого монастыря № 518, 850, Российской Государственной библиотеки ф. 209, № 220 и др. Классификация по редакциям дает четыре группы: Сильвестровскую, Погдинскую, Северную и Минейный вид Северной группы. В критический аппарат вошло 23 списка „Чтения“. Первый из них — самый старший из дошедших до нас рукописей — из Сильвестровского сборника середины XIV в., сохраняется в Русском государственном архиве древних актов, ф. 381 № 53. Текст развернут на стр. 601—669, затем идут чудеса (стр. 670—692), приложены, как обычно, и варианты.

Труд, проделанный итальянской исследовательницей, заслуживает нашего уважения. Ее книга является несомненным вкладом в медиевистику.